

*Памяти моей бабушки
с ярко-рыжими волосами*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УТРАЧЕНА НЕВИННОСТЬ

Никакое принятие вины не может восполнить утраты того прочного внутреннего комфорта разума, что является верным спутником невинности и добродетели; ни в малейшей степени не может оно уравновесить зло того ужаса и беспокойства, которое вина поселяет в наши сердца.

Генри Филдинг

Глава 1

В пятницу, 22 июля 2005 года, Симона Нокс купила большую «фанту» — оранжевую, под цвет попкорна и мармеладок. Этот выбор — стандартный заказ в кинотеатре — изменил ее жизнь. Может быть, даже спас. И все же она никогда больше не пила «фанту».

Хотя в тот момент она хотела только сесть в темноте кинозала с двумя своими «лучшими подругами навсегда» и обо всем позабыть. Потому что ее жизнь — сейчас, и уж точно на всю оставшуюся часть лета, а возможно, и на веки вечные — была бесконечно ужасна.

Мальчик, которого она любила, с которым она встречалась уже семь месяцев, две недели и четыре дня и с которым она собиралась встречаться все старшие классы — рука об руку, сердце к сердцу, ее бросил.

И сделал это, прислав эсэмэску.

Больше не хочу тратить время, я должен быть с кем-то, кто готов быть со мной, а это не ты, так что между нами все кончено, пока.

Наверняка произошло какое-то недоразумение! Она пыталась ему позвонить. Он не

отвечал. Унижаясь, она отправила ему три эсэмэски.

Потом зашла на его страницу в «МайСпейс».

«Унижение» — слишком слабое слово для описания того, что она испытала.

Сменил старую ДЕФЕКТИВНУЮ модель на красивую новую.

Прощай, Симона! Привет, Тиффани!

Расстался с ЛОХУШКОЙ, буду встречаться все лето и всю старшую школу с самой красивой девчонкой в классе 2006 года.

Его пост — с фотографиями — уже собрал кучу комментариев. Симона догадалась, что он специально подговорил друзей писать о ней гадкие, злые слова, но это не уменьшило ни боли, ни обиды.

Она горевала несколько дней. Впитывала утешение и праведный гнев двух своих лучших подруг. Злилась на младшую сестру за насмешки, заставляла себя ходить на летнюю подработку и еженедельные уроки тенниса, на которых настаивала мать.

Симона хмыкнула, прочитав СМС от бабушки. Сиси умеет быть в курсе последних событий, даже если медитирует с далай-ламой в Тибете, отрывается под «Роллинг-Стоунз» в Лондоне или рисует в своей студии на острове Спокойствия.

Сейчас ты испытываешь настоящую боль, поэтому обнимаю тебя, мое сокровище. Пройдет пара недель, и ты поймешь, что это просто очередной урод. Хвост пистолетом, и Намастэ.

Симона не считала Трента мудаком (впрочем, и Тиш, и Ми согласились с Сиси). Хотя он и отшвырнул ее в сторону — причем самым подлым

способом — только потому, что она не согласилась сделать с ним «это». Да, она не готова. К тому же вон Тиш сделала «это» со своим бывшим парнем после выпускного — и еще два раза потом, — а он все равно ее бросил.

К сожалению, она любила Трента и знала всем своим отчаянным шестнадцатилетним сердцем, что никогда больше никого не полюбит. Никогда. Она вырвала из дневника страницы, на которых писала свои будущие имена — миссис Трент Вулворт, Симона Нокс-Вулворт, С. Н. Вулворт, разорвала листки в клочья, а затем сожгла и обрывки, и все его фотографии на костре, устроенном во дворе ее подругами в рамках «церемонии поднятия силы духа». И все равно продолжала его любить.

Однако, как сказала Ми, надо жить, и она позволила подругам завлечь ее в кино.

К тому же Симоне надоело тосковать в одиночестве и совсем не хотелось идти по магазинам с матерью и младшей сестрой, так что кино победило.

Ми тоже победила: была ее очередь выбирать. Поэтому Симоне предстояло смотреть какой-то фантастический фильм под названием «Остров».

Тиш против выбора не возражала. Как будущая актриса она считала, что смотреть все фильмы и пьесы ее обязанность, вроде подготовки к карьере. Вдобавок актер Юэн Макгрегор входил в пятерку лучших кинобойфрендов.

— Пошли, займем хорошие места, — сказала Ми. Маленькая, с аккуратной фигуркой, темными драматичными глазами и густой копной черных волос, Ми взяла с прилавка попкорн — с настоящим сливочным маслом — стакан с напитком и арахисовые «M&M's». В мае ей исполнилось

семнадцать, она время от времени ходила на свидания, однако в настоящее время предпочитала мальчишкам науку. Ми никто не считал «ботаничкой» только благодаря ее мастерству гимнастики и прочной позиции в отряде чирлидерш. Этим отрядом, к сожалению, командовала Тиффани Брайс, шлюха и воровка парней.

— Мне нужно в туалет. — Тиш вручила подругам свой попкорн с двойным поддельным маслом, кока-колу и коробочку мятных драже. — Я вас найду.

— Не возись там с лицом и волосами, — предупредила ее Ми. — Все равно никто тебя не увидит, как только начнется фильм.

«Тем более идеал не улучшить», — отметила про себя Симона, направляясь ко входу в один из трех кинозалов торгового центра «Даун-Ист». Волосы у Тиш длинные, шелковистые, каштанового цвета, с профессионально выкрашенными золотыми бликами — потому что ее мать, в отличие от некоторых, не застряла навсегда в тысяча девятьсот девяносто пятом году. А очаровательные ямочки на щеках украшали классический овал лица, и Тиш всегда находила повод улыбнуться.

«Была бы я такая же высокая и красивая, с такими ярко-голубые глазами и кокетливыми ямочками, — думала Симона, — я бы тоже, наверное, всегда улыбалась».

Родители Тиш еще и поддерживали ее желание стать актрисой. Тиш, по мнению Симоны, сорвала джекпот: внешность, характер, мозги, плюс родители, которые по-настоящему умели понимать.

Но Симона все равно любила Тиш.

У них троих уже были планы, пока секретные — родители Симоны этого еще не знали, — провести лето после выпускного в Нью-Йорке.

Может, они даже туда насовсем переедут. Наверняка там веселей, чем в Рокпойнте, штат Мэн.

Да в песчаных дюнах Сахары наверняка веселей, чем в Рокпойнте, штат Мэн!

А Нью-Йорк? Яркие огни, толпы людей... Свобода!

Ми будет учиться на доктора в Колумбийском университете, Тиш будет учиться актерскому мастерству и ходить на прослушивания. А она... она тоже может на кого-нибудь учиться.

Только не на юриста, как хотят ее ничего не понимающие родители. Скучно и слишком уж по стандарту — потому что ее отец известный адвокат.

Уорд Нокс огорчится, но так уж тому и быть.

Может, она решит изучать искусство и станет художницей, как Сиси. Вот родители взбесятся! И она будет так же, как Сиси, часто заводить и бросать любовников (когда будет к этому готова).

И Трент Вулворт еще пожалеет.

— Выходи, — приказала Ми, толкнув ее локтем.

— Куда? Я здесь.

— Нет, ты в «зоне мрака Симоны». Выходи, присоединяйся к миру.

А может, ей нравится быть в зоне мрака...

— Придется открыть дверь силой разума, потому что руки у меня заняты. Ладно, готово. Я вернулась.

— Разум Симоны Нокс — это потрясающая сила.

— Нужно использовать его только для хороших дел, чтобы не превратить Тиффани в лужу слизи.

— Не стоит напрягаться. Ее мозги и так лужа слизи.

«Друзья, — подумала Симона, — всегда знают, что сказать». Она выйдет из «зоны мрака» и вос-

соединится с Ми и Тиш, когда Тиш перестанет возиться со своими и без того прекрасными лицом и волосами.

Был вечер пятницы, поэтому зал кинотеатра уже заполнился посетителями почти наполовину.

Ми выбрала три места в самом центре и села на третье от прохода сиденье, чтобы Симона, которую все еще нужно было опекать, села между ней и Тиш — длинные ноги Тиш заслуживали места возле прохода.

Ми поерзала в кресле. Она уже подсчитала, что до момента, когда погасят свет, осталось всего шесть минут.

— Завтра вечером ты идешь на вечеринку Элли. «Зона мрака» снова поманила к себе.

— Я не готова к вечеринкам. И потом, ты же знаешь, там будет Трент со своей шлюхой Тиффани.

— В том-то и дело, Сим. Если не пойдешь, все будут думать, что ты прячешься и страдаешь.

— Так и есть.

— Нельзя доставлять ему такое удовольствие! — настаивала Ми. — Ты идешь с нами. Тиш придет со Скоттом, он клевый. Наденешь что-нибудь потрясающее, а Тиш тебя накрасит, она лучше всех это делает. И ты будешь такая: «Кто? Он? А, я про него уже давно забыла».

Симона взгляделась в свою «зону мрака».

— Вряд ли у меня получится. Актриса у нас Тиш, а не я.

— Ты же играла Бетти Риццо в «Бриолине» в школьной постановке! Тиш была изумительной Сэнди, но ты была не менее изумительной Риццо.

— Потому что я брала уроки танцев и немножко умею петь.

— Ты великолепно поешь и отлично играла. Будь как Риццо на вечеринке Элли — ну, такая уверенная, сексуальная и пошли вы все.

— Не знаю, Ми...

Впрочем, Симона уже представила себе, как это будет. И как Трент, увидев ее уверенной, сексуальной и пошли вы все, снова ее захочет.

Тут примчалась Тиш, упала в кресло и схватила Симону за руку.

— Сохраняй спокойствие!

— А что я... О, нет! Только не это.

— Шлюха наносит свежий блеск на свои губки, а мудака топчет у двери дамского туалета, как преданный песик.

— Вот черт! — Ми сжала пальцами руку Симоны. — Может, они идут на другой фильм.

— Нет, они наверняка придут сюда, таково уж мое везение.

— Только не смей уходить. — Ми сжала ее руку крепче. — Он это увидит, и ты будешь чувствовать себя неудачницей. Ты не неудачница. Это твоя генеральная репетиция для вечеринки Элли.

— Она идет с нами? — Тиш сверкнула ямочками на щеках. — Ты ее уговорила?

— Уговариваю. — Ми скосила глаза на дверь. — Так, они входят. Сиди на месте, — прошипела она, когда рука Симоны задрожала под ее пальцами. — Ты их даже не замечаешь. Мы с тобой.

— Мы с тобой здесь, сейчас и всегда, — эхом откликнулась Тиш, сжимая другую руку Симоне. — Мы — стена презрения. Поняла?

Они шли по проходу: блондинка с кудряшками в рваных джинсах и прекрасный мальчик — статный, красивый, квотербэк команды-чемпиона «Дикие коты».